

Ань Сюань замер на месте, словно окаменев. В его взгляде читалась растерянность.

Он неотрывно смотрел на удаляющуюся фигуру, и в душе его бурлили противоречивые чувства. Помолчав немного, Ань Сюань тихо произнес:

— Пожалуй, нет. Цю Шуэй, сходи за Лансы, пусть она его осмотрит. Мне кажется, он тяжело ранен.

Цю Шуэй спросил:

— Ваше Высочество, если вы хотите его навестить, почему бы вам не войти самому?

Ань Сюань покачал головой:

— Он не хочет, чтобы я входил, так что я не буду его беспокоить.

Сказав это, Ань Сюань с потухшим взглядом вернулся в главный зал.

Аке Лансы была главным дворцовым лекарем, принадлежавшей к народу медуз. Представители её расы славились познаниями в медицине, песнями и танцами. Сама же она с ранних лет не только превосходно разбиралась в лекарственных травах, но и была мастером ядов. В шестнадцать лет её в виде исключения приняли в Императорскую академию медицины, но из-за разногласий со старыми лекарями она в одночасье отравила весь академический состав. Ань Сюань, питавший к ней симпатию, простил ей этот поступок и даровал для проживания павильон Лихуа.

Когда Цю Шуэй отыскал её, Лансы как раз составляла в комнате снадобье. Услышав, что в Зимнем дворце кто-то ранен, она сначала удивилась, а затем нахмурилась и посмотрела на Цю Шуэя:

— Кто ранен? Разве в Зимнем дворце, кроме тебя и Его Высочества, кто-то еще живет? Дай угадаю: неужели тот маленький зять, что прибыл сюда полмесяца назад?

Цю Шуэй молчал.

— Похоже, я угадала. И что же Его Высочество сотворил с этим беднягой, раз тот умудрился получить травму? — Лансы опустила палец в пробирку с раствором. Кончик пальца мгновенно почернел, яд начал стремительно распространяться, за секунду охватив всю ладонь.

Цю Шуэй вздрогнул, но Лансы даже глазом не моргнула. Она небрежно отсекла себе отравленную руку мечом, и та, упав на пол, превратилась в черную лужицу крови.

— Ой, напугалась-то как! Чуть сама не отравилась.

Цю Шуэй не проронил ни слова. Она надула губки:

— Ты ведь чуть не лишился меня.

Цю Шуэй ответил:

— Перестала бы ты играть с этими опасными ядами, и всё было бы в порядке. Иначе однажды умрешь — и никто даже не узнает.

Лансы прикрыла рот ладонью и захихикала:

— Буду считать, что ты беспокоишься обо мне. Как трогательно!

Её смех звучал подобно серебряному колокольчику. Одной рукой она обняла Цю Шуэя за шею, а другой, уже успевшей отрасти, слегка коснулась кончика его носа:

— Рассказывай, что там стряслось?

Цю Шуэй ответил:

— Зять ранен.

Лансы переспросила:

— И всё?

Цю Шуэй кивнул, и Лансы рассмеялась:

— Значит, рана не такая уж серьезная. Спешить некуда.

— Очень серьезная, — снова бросил Цю Шуэй, стаскивая с себя Лансы, которая почти повисла у него на шее.

— Не думаю, — Лансы вновь прильнула к нему и прошептала на ухо: — Мне кажется, было бы лучше, если бы она была еще серьезнее, не находишь?

Цю Шуэй промолчал, а Лансы снова засмеялась:

— Я дочитала тот сборник историй, что ты мне принес. Когда в следующий раз соберешься на поверхность, захвати мне еще чего-нибудь. Мне очень понравилось. Знаешь, там была фраза, которая мне особенно приглянулась. Хочешь угадаю, какая? Почему позже пришедший занимает лучшее место? Потому что первый не борется и не спорит. Маленький Цю Шуэй, если ты и дальше будешь так себя вести, Его Высочество у тебя из-под носа уведут.

Лицо Цю Шуэя помрачнело, и он рявкнул:

— Заткнись!

Лансы не унималась:

— А хочешь, я украдкой подсыплю ему яду и прикончу его? Не бойся, никто не узнает. По капельке в день, и через пару месяцев его внутренние органы будут разъедены. Тогда никто больше не будет претендовать на твоего принца.

Лансы, чье тело было гибким, словно без костей, прижала Цю Шуэя к стулу. Её голос, подобно пению соловья, проник в самое сердце мужчины.

— Ну как тебе идея?

Цю Шуэй встал, схватил Лансы за шиворот и поднял на ноги:

— Никак. Пошли быстрее, а то опоздаем, и Его Высочество нас накажет.

— Ладно, ладно, — Лансы подхватила медицинский ящик, стоявший в углу. — Пойдем, хоть посмотрю, как выглядит этот зять, которого прячет Его Высочество. В прошлый раз я только мельком взглянула, прежде чем Его Высочество потащил его прочь.

Цю Шуэй бросил на неё косой взгляд:

— За длинный язык и лишиться головы можно.

— Пф.

...

Когда они добрались до Павильона Благодатного Снега, снаружи царил полный разгром. Забор и коралловые кусты были изрублены в щепки, столы и стулья, по-видимому, со всей силы швырнули в стену — они разлетелись на куски, заодно разбив вдребезги оконное стекло.

Лансы огляделась:

— Ого, а у этого зятя характер не из легких. Что же ваш принц натворил, что довел человека до такого бешенства? Ну скажи, мне ведь правда интересно.

Цю Шуэй помолчал, а затем кратко ответил:

— Принцессы вернулись. Гу Инь и зять сцепились, зять проиграл.

— Ц-ц-ц, настоящий и фальшивый зять, какая драма! Жаль, как же этот маленький зять мог одолеть такую грубую силу? Вот если бы силы были равны, было бы куда интереснее.

— ... — Цю Шуэй нахмурился. — С тебя хватит.

— Ой, да я просто любопытна, обычное любопытство, — Аке Лансы прикрыла рот рукой. — А что же Его Высочество? Кого он выбрал? Сяо Я или этого зятя?

Они остановились у входа. Лансы, полная жажды знаний, уставилась на Цю Шуэя, но тот лишь закатил глаза и грубо втолкнул её внутрь.

— Пёс, а не мужчина! — сплюнула Лансы, надув губы, и толкнула дверь. Цю Шуэй остался стоять снаружи.

Внутри царил такой же хаос, как и во дворе. Капли крови тянулись от самого входа, ведя через всю комнату прямо к ванной.

Дверь ванной была приоткрыта. Лансы ступала бесшумно, следуя по кровавому следу. Стоило ей распахнуть дверь, как кинжал, усыпанный драгоценными камнями, вонзился в стену в нескольких сантиметрах от её лица.

Юноша, бледный как полотно, прислонился к холодной кафельной стене ванной. Вода в купели мягко омывала его поясницу; в воздухе смешались запахи свежей воды и легкий аромат крови.

— Очень красивый кинжал, мне нравится, — Лансы вытащила клинок и с интересом осмотрела его. — Столько драгоценных камней, которых я не видела в море. Кажется, на поверхности довольно занятно.

— Кто ты?

— Лекарь. Разве не похоже? — Лансы приподняла аптечку. — Что это за поза? На поверхности все так лечатся?

Чэнь Синхэ закашлялся и отвернулся, не желая продолжать разговор, но тут почувствовал головокружение, а веки стали тяжелыми. Он сжал зубы и надавил пальцами на рану, чтобы острой болью отогнать дурман.

Лансы тихо рассмеялась. Тонкое щупальце вытянулось из её спины и вытащило Чэнь Синхэ из воды. Юноша попытался вырваться, но Лансы молниеносно укусила его в шею. Увидев, что тот обмяк, она довольно улыбнулась, вынесла его наружу и бросила Цю Шуэю.

Цю Шуэй подхватил Чэнь Синхэ и первым делом проверил его дыхание:

— Что с ним?

— Отправила к праотцам, как тебе? Быстро, правда? — ответила Лансы. — Теперь никто не отнимет у тебя Его Высочество. Маленький Цю Шуэй, разве ты не должен меня отблагодарить?

— Аке Лансы! — холодно произнес Цю Шуэй.

— Что, боишься гнева Его Высочества? Ладно, не переживай, я его просто усыпила. А то, знаешь ли, я женщина хрупкая, а этот зять в любой момент мог пырнуть меня ножом — если бы я поранилась, было бы больно, — Аке Лансы со вздохом открыла аптечку. — Так что пришлось действовать на опережение, использовала капельку нервно-паралитического яда. Спи спокойно, проснется как новенький. Маленький Цю Шуэй, тебе тоже стоило бы действовать на опережение, а иначе...

Цю Шуэй сжал зубы:

— Замолчи! Иначе я сейчас сам тебя пырну.

Лансы захихикала, достала из аптечки мазь и принялась обрабатывать раны Чэнь Синхэ. Затем она ловко наложила шелковую повязку и завязала её аккуратным бантом.

— Готово. Рана у маленького зятя довольно глубокая, придется менять повязки каждый день, — Аке Лансы бросила банку с мазью Цю Шуэю. — Теперь это твоя забота. Конечно, можешь и не менять, он всё равно не умрет, ну, будет болеть какое-то время. Только вот Его Высочество так печется об этом зяте, не знаю, хватит ли у тебя духу...

Цю Шуэй перебил:

— Меньше слов — дольше проживешь.

— Еще вспомнишь мои слова, — Лансы махнула рукой. — Я пошла. Будет время — заглядывай к сестренке, мне здесь так скучно.

Цю Шуэй смотрел на Чэнь Синхэ, который все еще был без сознания, и пребывал в нерешительности — он не знал, как быть дальше. Он позвал Бэй Линь, и та, увидев разгромленный Павильон Благодатного Снега, едва не лишилась чувств.

— Здесь что, грабители побывали? — в ужасе спросила Бэй Линь.

Цю Шуэй сказал:

— Устрой зятя, а я позову людей прибраться.

Бэй Линь спросила, можно ли перенести его к Его Высочеству, но Цю Шуэй сразу отрезал:

— Нет. Брось его на кровать, сначала разберись в спальне. Лансы его усыпила, а по её привычкам, он не проснется ближайшие три-пять дней.

Бэй Линь, поправляя постель, с удивлением проговорила:

— Значит, та сумасшедшая здесь была? А что она сказала? С Его Высочеством всё в порядке?

Цю Шуэй отдал ей лекарство, полученное от Лансы, и кивнул:

— Да, не помрет. Главное — меняй повязки вовремя.

Бэй Линь растерялась:

— Я?

Цю Шуэй ответил:

— А кто еще?

Бэй Линь закивала:

— Тогда уж лучше ты. Мужчинам и женщинам не подобает касаться друг друга, разве будет уместно, если я стану менять ему повязки?

Она попыталась вернуть баночку, но Цю Шуэй сделал вид, что ничего не заметил, и быстро ушел.

Бэй Линь тихонько выругалась вслед Цю Шуэю, укрыла Чэнь Синхэ одеялом и принялась за уборку. Вскоре в Павильон Благодатного Снега потянулись рыболоуды и девушки-моллюски: первые взялись за ремонт двора, вторые — за уборку внутри.

Чэнь Синхэ пролежал в беспамятстве три дня. Очнувшись, он увидел Бэй Линь, которая сидела у изголовья и чистила яблоко. На тумбочке стояла корзина с фруктами — очевидно, Цю Шуэй привез их с поверхности.

Увидев, что Чэнь Синхэ открыл глаза, Бэй Линь так обрадовалась, что яблоко выпало из рук. Она подобрала его, протерла о подол и протянула юноше:

— Ваше Высочество, вы очнулись! Хотите яблоко?

Чэнь Синхэ промолчал и молча отвернулся к стене. Сказав, что не хочет, он увидел, как Бэй Линь в три укуса уничтожила яблоко, а потом облизнулась, явно желая добавки.

— Ваше Высочество, у вас на поверхности еда такая вкусная! Правда, в конце немного горчит.

Чэнь Синхэ отозвался:

— Может, если бы ты не ела сердцевину, горчило бы меньше.

Бэй Линь, озаренная догадкой, закивала:

— Вот оно что! Разве эту часть нельзя есть?

Чэнь Синхэ слабо улыбнулся, и тяжесть на душе немного отступила.

Он с трудом сел, чувствуя невероятную слабость. В теле ощущалась ленивая тяжесть, грудь всё еще ныла от боли, а повязка была наложена кое-как — она топорщилась, и сквозь неё просачивалась кровь.

— Кто была та женщина? — Чэнь Синхэ развязал повязку и осторожно потрогал рану, а вспомнив, как его усыпили, нахмурился.

Бэй Линь переспросила:

— О ком вы?

— Рыболоудка, розовая, с щупальцами.

Бэй Линь хлопнула себя по лбу:

— А, вы про ту сумасшедшую Аке Лансы! Она наш лекарь, из народа медуз.

— Лекарь? — Чэнь Синхэ припомнил, что она действительно что-то говорила, но в недоумении спросил: — И это уровень ваших лекарей?

Бэй Линь не поняла:

— Что-то не так?

Чэнь Синхэ дернул за ослабший бинт:

— Забинтовано как портянки: внутри всё перетянута, а снаружи болтается, словно морская капуста. Если она действительно ваш лекарь, я начинаю всерьез беспокоиться за уровень вашей медицины.

Бэй Линь замолчала и, густо покраснев, подняла руку:

— Простите, Ваше Высочество, это я перебинтовывала.

Чэнь Синхэ: ...Прошу прощения, не хотел обидеть.

Следующие несколько дней Чэнь Синхэ почти не выходил из комнаты, отлеживаясь в постели.

Ань Сюань сидел на качелях, недавно сооруженных во дворе, и тихонько раскачивался. Его не пускали внутрь: еще в день, когда Чэнь Синхэ очнулся, Ань Сюань пришел навестить его, но натолкнулся на угрозу: «Попробуй только войти».

Чэнь Синхэ бросил взгляд в окно:

— Бэй Линь, неужели ваш принц такой бездельник? Каждый день качается у меня на качелях. Передай ему: если нравятся, пусть забирает и ставит перед своим дворцом.

Бэй Линь ответила:

— Как я могу такое сказать? Может, вы все-таки позволите ему войти?

Чэнь Синхэ захлопнул книгу и, прикрыв рот рукой, зевнул:

— Я устал, хочу поспать. Задерни шторы.

Бэй Линь послушно задернула занавески. Взгляд Ань Сюаня, устремленный в окно, оказался перекрыт, и он тяжело вздохнул. Уже собираясь уходить, он услышал, как Бэй Линь спрашивает Чэнь Синхэ, почему тот так злится.

Он тихо подошел к окну. Его фигура заслонила свет, оставив на занавесках бледную тень.

Бэй Линь посмотрела на силуэт за окном и на секунду замолчала. Это было слишком очевидно — даже глупец понял бы, что снаружи кто-то стоит.

А Чэнь Синхэ, словно не замечая присутствия, лениво зевнул и спросил:

— А ты как думаешь?

Бэй Линь ответила:

— Вы злитесь, потому что проиграли Гу Инь?

Чэнь Синхэ лишь легко усмехнулся, не подтверждая и не опровергая её слова, позволяя Бэй Линь думать так, как ей хочется.

<http://bllate.org/book/21068/2141383>